
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРЫТЫКА І БІБЛІЯГРАФІЯ

REVIEW AND BIBLIOGRAPHY

Менькоўскі В., Шмігель М., Дубінка-Гушча Л. «Галодныя гульні». **Українські голод 1932–1933 гг. у історії, гістарыяграфіі і гістарычнай палітыцы.** Банска-Бістрыца : Belianum, 2020. 270 с. (на англ. и рус.).

Меньковский В., Шмигель М., Дубинко-Гушча Е. «Голодные игры». **Украинский голод 1932–1933 гг. в истории, историографии и исторической политике.** Банска-Бистрица : Belianum, 2020. 270 с.

Menkouski V., Šmigel' M., Dubinka-Hushcha L. **The hunger games. Ukrainian famine of 1932–1933 in history, historiography and historical policy.** Banská Bystrica : Belianum, 2020. 270 p.

Для отечественной исторической науки рецензируемая публикация является книгой-событием. Работа раскрывает один из самых значимых кейсов современных «боев за историю» в Восточной Европе – проблему интерпретации голода в Украине в 1932–1933 гг., а именно наличие или отсутствие в нем геноцидальной составляющей. Авторы, используя метафору «голодные игры», показывают, каким образом голодомор интерпретируется и инструментализируется в историографии и исторической политике. Мысли и идеи, высказанные в данном издании, заслуживают внимания не только историков, но и широкой общественности.

Последние 20 лет в Восточной Европе свидетельствуют о том, что прошлое никуда не уходит, оно присутствует в современности и с еще большей силой определяет ее, оставив после себя множество скелетов в шкафах и запертых комнат с трупами, как во французской сказке о Синей Бороде. Государственные преступления почти 100-летней давности стали камнем преткновения для историков и политиков национальных государств, возникших после распада СССР. Одни в духе строителей наций XIX в. начали создавать эти новые нации по-

сле крушения коммунистического эксперимента, акцентируя преступную сущность советского режима и формируя национальную идентичность на отрицании советского прошлого. Другие, не имея возможности возвращения к национальному государству, обратились к советскому прошлому, чтобы найти опору для конструирования новой постсоветской идентичности, основанной на смещении акцентов на героизм и достижения советской эпохи. Инструментализация прошлого в политических целях приводит к тому, что история превращается в своеобразную «гражданскую религию», которая заставляет верить в определенную интерпретацию исторических событий. На первый план выходит уже не история как область научного, критического знания, а историческая политика – политическое использование прошлого, или политика, направленная в прошлое.

Распад СССР сопровождался «архивной революцией», благодаря которой историки и общество получили возможность узнать реальные масштабы трагедии голодомора и оценить действия советских властей. Однако невозможно написать полноценную историю голода, опираясь только на официальные материалы, не публиковавшиеся ранее архивные документы. Одновременно произошла «революция памяти» (О. В. Будницкий), в результате которой запрещенная и отобранная советской цензурой память людей об этих страшных событиях получила возможность выйти из тени. Опубликованы многочисленные воспоминания, собраны интервью, которые не только дополнили документальные источники, но и раскрыли проблему снизу, создавая социальное измерение истории голода.

Публикация выполнена на двух языках: английском и русском. В предисловии авторы раскрывают концептуальные основы изучения политики памяти, обращаясь к исследованиям М. Хальбвакса

и П. Нора. Авторами отмечаются интертекстуальность и социально укорененный характер исследований памяти. С опорой на теорию секьюритизации вводится термин «геноцидизация», призванный описать повторное изобретение украинского нарратива постсоветской идентичности.

Термин «геноцид», введенный в научный и правовой оборот родившимся под г. Лидой Р. Лемкиным и принятый резолюцией ООН в 1946 г., определяется как уничтожение нации или этнической группы. Сторонники признания голодомора геноцидом ссылаются на статью Р. Лемкина от 1953 г., где он называет голод в СССР актом геноцида, направленным на уничтожение не только отдельных людей, но и народов (с. 144). Однако, с точки зрения международного права, нет единого подхода к использованию термина «геноцид» применительно к голодомору, который сегодня рассматривается как преступление против человечности. Конвенция ООН о предупреждении преступления геноцида и наказания за него, принятая в 1948 г., не имеет обратной силы во времени и не может официально вводить какие-либо санкции за преступления, совершенные до ее ратификации. Признание голодомора геноцидом не может привести к репарациям, экономическим или политическим компенсациям.

Логика построения книги потребовала отражения истории советского голода в контексте политики индустриализации и коллективизации. Анализируя процессы индустриализации, создания колхозов, раскулачивания, изъятия хлеба у населения, авторы аргументированно показывают, что итоги этой политики значительно преувеличены в историографии. Особенно это касается значимости экспорта зерна для осуществления индустриализации. На основе данных о выручке от продажи зерна за границу, сравнения продажи зерна с другими статьями экспорта и сопоставления выручки за хлеб с суммой капиталовложений в промышленность, транспорт и строительство авторы показывают, что хлебная продажа не сыграла определяющей роли в индустриализации.

Тем не менее натиск на крестьянство привел к массовому голоду в 1932–1933 гг. Советское руководство пыталось замолчать, скрыть как масштабы трагедии, так и сам факт голода. Население не только было брошено на произвол судьбы, но и стало объектом террора голодом, а международный резонанс катастрофы был приглушен усилиями просоветски настроенных западных политиков, журналистов и левых интеллектуалов, которые ввали в имя В. И. Сталина и советской системы. Мотивами

этого выступали политические интересы, идеалистические взгляды, а порой и прямая материальная выгода (с. 159). Известным примером является корреспондент газеты «Нью-Йорк Таймс» У. Дюранти, который получил Пулицеровскую премию за комплиментарные репортажи о сталинском режиме и отрицал факт голода. В СССР ему была предоставлена прекрасная квартира и роскошный автомобиль с шофером для поездок к русской любовнице. Тем не менее западные страны смогли узнать правду о голоде, например, благодаря британскому журналисту Г. Джонсу, который во время поездки в СССР сумел пробраться в Харьковскую область, в районы, охваченные голодом, и после возвращения сделал заявление для прессы: «У нас нет хлеба, мы умираем!». Это стенограммное заявление было слышно по всей России, на Волге, в Сибири, в Беларуси, на Северном Кавказе и в Центральной Азии»¹.

В книге отмечается, что общая картина эскалации голода и факторы этой эскалации сегодня вполне изучены. Авторы подчеркивают, что коллективизация в принудительной форме означала попытку проигнорировать экономические законы, чем подтверждают выводы современных специалистов о том, что экономические результаты сталинской индустриализации нельзя признать успешными. Политика коллективизации и некомпетентность руководства привели к существенному падению эффективности как в сельском хозяйстве, так и в промышленности, а катастрофическое снижение уровня жизни в 1930-х гг. и массовый голод, унесший миллионы человеческих жизней, перевешивают все гипотетические долгосрочные плюсы политики И. В. Сталина².

Один из разделов книги посвящен историографии голодомора. Авторы отмечают, что история изучения голода 1932–1933 гг. является классическим примером того, как господствующие тенденции времени оказывали давление на историков, меняли характер их публикаций, выводов и оценок. С момента возникновения голод стал объектом манипуляций. Через подкупленных журналистов сталинское руководство отрицало его на Западе и продвигало нарратив о временных трудностях. Аналогично писали о голодоморе и советские историки, идеологической задачей которых было отрицание факта голода в СССР и разоблачение зарубежных «фальсификаций». Однако в период перестройки и гласности, особенно после публикации книги Р. Конквеста «Жатва скорби. Советская коллективизация и террор голодом» (1986), замалчивать

¹Famine gripping Russia, millions dying, idle on rise, says Briton [Electronic resource]. URL: https://www.garethjones.org/margaret_siriol_colley/The%20exhibition/press_release.htm (date of access: 10.09.2021). (Перевод наш. – А. И.)

²Cheremukhin A., Golosov M., Guriev S., Tsyvinski A. Was Stalin necessary for Russia's economic development? [Electronic resource]. URL: www.nber.org/system/files/working_papers/w19425/w19425.pdf (date of access: 10.09.2021).

голод стало уже невозможно. Р. Конквест одним из первых пришел к выводу о том, что голод 1932–1933 гг. был голодом-геноцидом, намеренным уничтожением украинского крестьянства в Украине, на Кубани и Северном Кавказе. Тем не менее его выводы о национальной составляющей голода встретили критику в научных кругах. Сторонники концепции социальной истории считали, что сталинская политика была направлена против всего крестьянства, хоть и значительная часть его была украинцами. В то же время фактически первый украинский советский исследователь голода С. В. Кульчицкий отмечал, что невозможно отделить социально-экономическую политику советской власти от национальной. Он же писал, что вокруг голодомора сложился ряд стереотипов. Голод ассоциируется с Украиной, но демографическая статистика показывает, что больше половины жертв погибло за ее границами. Принято считать, что в результате голодомора умирали только крестьяне, однако голодная смерть была массовым явлением и в городах. Всесоюзный голод должен быть отделен от украинского голодомора и массового голода в некоторых других регионах Советского Союза. По мнению С. В. Кульчицкого, голодомор был террористической операцией, направленной на преодоление неожиданно возникшего экономического кризиса, угрожавшего потерей власти кремлевским строителям коммунизма (с. 170).

Авторы отмечают, что после обретения Украиной независимости тематика голодомора стала одной из базовых составляющих национальной историографии и исторической политики. В то же время следует согласиться с Г. В. Касьяновым, который отмечал, что такая масштабная травма, как потеря нескольких миллионов населения на собственной территории в мирное время, биологические, социальные и социально-психологические последствия которой до конца не выяснены, вряд ли может быть предметом только академических дискуссий (с. 171). Согласно выводам совместного исследования Института демографии и социальных исследований им. М. В. Птухи НАН Украины и американских ученых в течение 1932–1934 гг. от организованного советской властью голода умерли 3,9 млн граждан УССР, что составляло 13 % населения республики. Эта цифра, по мнению ученых, является наиболее достоверной и признанной среди научного сообщества. Общие потери населения СССР от голода оцениваются в 8,7 млн человек. В абсолютных цифрах наибольшие потери понесла Украина, затем – Россия и Казахстан.

Историки России сосредоточили внимание в первую очередь на исследовании событий в российских регионах, охваченных голодом. В большинстве составляющих дискурса советского голода позиции российских и украинских ученых не были противо-

речивыми и дополняли друг друга. Однако история национального аспекта голода стала превалировать над всеми остальными. В итоге внимание концентрируется на вопросах, которым нужно «противодействовать». «Миссией» исследователей стало доказательство вывода о том, что голод не являлся геноцидом украинского народа.

Как отмечают авторы, далеко не все украинские историки также готовы слышать аргументы оппонентов. Если какой-либо зарубежный ученый критикует концепцию геноцида, то часто на него вешается ярлык «пророссийский» и на этом научная дискуссия заканчивается.

Авторский коллектив обращается и к наработкам скандинавской и центральноевропейской историографии голода 1932–1933 гг. Первоначально большинство датских и шведских историков утверждали, что голод был трагедией всего советского крестьянства. Ситуация в историографии изменилась в середине 1980-х гг., что было связано в том числе с дискуссией о голодоморе на Западе после публикации книги Р. Конквеста. Наиболее известными исследователями советских репрессий были датчанин Б. Йенсен и швед Я. Сундберг. Последний являлся членом Международного комитета по расследованию голодомора в 1988–1990 гг. Я. Сундберг, в отличие от других членов комитета, придерживался концепции голода-геноцида. В качестве главного аргумента он ссылаясь на указ И. В. Сталина 1933 г., запрещавший украинцам покидать Украину.

В Центральной Европе Польша и Чехословакия были наиболее информированы о том, что происходило в Советской Украине в 1932–1933 гг. Историография этих стран имела достаточное количество источников, на основе которых можно было построить исследование. Однако послевоенная большевизация этих государств привела к табуированию темы. Только распад социалистического блока и СССР позволил историкам включиться в дискуссию о природе и характере голода, представленную уже украинско-западным и российско-советским дискурсами.

Авторы книги отмечают, что польская историография сосредоточена на понимании голода в Украине с польской перспективы. В польской историографии заслуживают внимания работы Ч. Райца, Р. Кушнежа и Р. Дзвонковского. В 1930-х гг. Варшава не высказывалась открыто по проблеме голода в силу геополитических причин и стремления установить хорошие отношения с СССР, что сдерживало антикоммунистическую риторику. Как утверждает наиболее известный польский исследователь голода в Украине Р. Кушнеж, голодомор был одной из самых страшных трагедий человечества в XX в., величайшим преступлением большевистского режима против украинского народа. Большинство жертв,

естественно, были украинцами. Однако жертвами были представители и других национальностей, проживавших в СССР, в том числе поляки. В результате преступной политики большевиков по отношению к крестьянству в Украине погибло от 40 до 60 тыс. поляков.

Говоря о Чехословакии, авторы подчеркивают сильные левые настроения среди интеллектуалов, симпатизировавших Советскому Союзу и не желавших видеть трагедию в Украине в 1932–1933 гг. Особое место в чехословацкой историографии принадлежит Я. Славику, одному из основоположников мировой советологии. Критические публикации историка о СССР после нескольких поездок в Страну Советов сделали его персоной нон грата для советских властей. После коммунистического переворота в Чехословакии в 1948 г. Я. Славику просто выбросили на обочину научной и общественной жизни, а его работы были запрещены.

По мнению авторов, в современной чешской историографии следует отметить исследования В. Вебера, который продолжает традицию, заложенную Я. Славику. В. Вебер утверждает, что неудачное проведение коллективизации И. В. Сталин использовал как предлог для политического давления на деревню в целях обеспечения политической власти новой партийной элиты. Своих критиков, утверждавших, что причина голода кроется в неурожаях, В. Вебер называл застывшими в хрущевско-поспеловской концепции, представленной на XX съезде КПСС в 1956 г. Он же отмечал, что отсутствие исследований о сопротивлении крестьянства политике сталинской коллективизации – позор русской историографии (с. 197).

Авторы работы приходят к выводу о том, что в венгерской историографии также нет единства во взглядах. М. Кун является сторонником теории искусственно вызванного и целенаправленно организованного Москвой голода в Украине и сравнивает его с холокостом. В свою очередь Т. Краус утверждает, что криминализация истории СССР ворвалась в политику и сферу науки. Относительно голода Т. Краус повторяет старую теорию неурожая в результате стихийных бедствий. Еще один венгерский исследователь голода Я. Гартъяни задавался вопросом, как могло произойти, что аграрной Украине, до 1917 г. снабжавшей хлебом народы всей России, грозил голод, а экспорт зерна в то же время увеличился. По его мнению, голод был заранее спланированным и цинично осуществленным террористическим актом сталинского режима (с. 201–202).

Отдельное внимание авторы уделяют анализу исторической политики Украины и России. Авторы отмечают, что в политическом и юридическом

отношениях для Украины и России дискуссия о голоде окончена. В 2006 г. в Украине принят закон о голодоморе, который определяет его как геноцид украинского народа. Со стороны России историческая политика направлена на противодействие Украине по всему спектру исторической проблематики. В российском нарративе голодомор определяется как «так называемый». В качестве причин называются засуха и неурожай, ответственность за насильственные меры возлагается на местные кадры. В результате нет виновных и ответственных за смерть миллионов людей, а есть только непонятно чьи трагические ошибки. Данная интерпретация, по мнению российского историка А. И. Миллера, ставит Россию в положение, когда необходимость дать отпор клеветникам по поводу голодомора приводит к реабилитации И. В. Сталина и утверждениям, что «он не хотел». История с голодом, по его мнению, является частью широкой проблемы, суть которой заключается в боязни признать, что это был чудовищный, преступный и античеловеческий режим (с. 220). По мнению Н. В. Петрова Кремль совершенно не заинтересован в раскрытии преступлений сталинизма, поскольку выбрана другая тактика, согласно которой российское руководство пытается представить советскую историю как исключительно историю славы, побед и успехов.

Заключительная глава книги посвящена изучению международной реакции и законодательным актам Украины, США, Израиля относительно определения геноцидальной составляющей голода 1932–1933 гг.

Удачным решением представляется приложение к книге в виде наиболее знаковых персоналий исследователей голодомора с фото, краткой профессиональной биографией и основными идеями.

Необходимо отметить, что в данной дискуссии авторы книги склоняются к позиции украинского исследователя Г. В. Касьянова, который прошел эволюцию во взглядах от признания голодомора геноцидом до его отрицания и считает, что для снятия идеологической и политической подоплеки в рассуждениях о событиях такого масштаба не стоит употреблять сильно политизированное сегодня слово «геноцид». Достаточно говорить о голодоморе, как о преступлении против человечности, что позволяет снять этнические контексты.

Рецензируемая книга также подводит нас к вопросу о необходимости детального изучения голода в БССР, который остается белым пятном в отечественной историографии³. Создание полной картины голодомора невозможно без анализа голода на белорусских землях.

³Голод 1930-х – 1940-х гг. у Беларусі ў вусных сведчаннях выдавочцаў [Электронны рэсурс]. URL: <http://gwminsk.com/news/golad-1930-h-1940-h-gg-u-belarusi-u-vusnyh-svedchannyah-vidavochcau> (дата звароту: 10.09.2021).

Дискуссия о голоде 1932–1933 гг. будет продолжаться хотя бы в силу закрытости российских архивов и нежелания обеспечить доступ историков к архивным материалам, прежде всего к тематическим папкам Политбюро в Архиве Президента Российской Федерации, которые могли бы пролить свет на многие аспекты трагедии, о чем говорит российский исследователь сталинизма О. В. Хлевнюк. Можно утверждать наверняка:

длинная тень советского прошлого будет и дальше определять современность, особенно если по-прежнему будут закрыты архивы и общество не сможет получить ответы на все вопросы. Очевидно и то, что советский период по-прежнему нуждается в адекватной проработке общественным сознанием.

А. Г. Цымбал⁴

⁴Александр Георгиевич Цымбал – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории, мировой культуры и туризма Минского государственного лингвистического университета.

Аляксандр Георгіевіч Цымбал – кандыдат гістарычных навук, дацэнт; дацэнт кафедры гісторыі, сусветнай культуры і турызму Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта.

Alexander G. Tsimbal, PhD (history), docent; associate professor at the department of history, world culture and tourism, Minsk State Linguistic University.

E-mail: aleksander.g.t@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-9447-5132>